

Дарья Нарок

Макария

18+

Дарья Норок

Макария

«Автор»

2020

Норок Д.

Макария / Д. Норок — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-96061-9

Интересно, когда это началось? Да, наверное, после того дела об убийстве женщины. В преступлении обвинили сына местного священника. Хотя Артур до последнего не верил, что этот невинный агнец способен на подобные зверства. Будучи детективом, мужчина видел настоящих преступников. После случившегося Артур мог поклясться, что теперь священник следит за ним. Детектив стал нервным, раздражительным, это сказывалось на работе. Жена настояла, чтобы Артур обратился за помощью к психотерапевту. Специалист диагностировал манию преследования и выписал соответствующий препарат. Таблетки Артур перестал пить почти сразу. Он чувствовал, как лекарства туманят его разум. А оставаться внимательным и сосредоточенным ему сейчас нужно как никогда. Если священник продолжит преследования, кто знает, что он может сделать! Погружаясь все глубже в болезненную подозрительность, Артур не заметил, как перешел черту здравомыслия. Катастрофа последовала незамедлительно. Теперь ничего уже нельзя изменить.

ISBN 978-5-532-96061-9

© Норок Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дарья Норок Макария

Посвящается моему племяннику и свёкру, чьи жизни унёс рак.

Глава 1

Опершись руками о кухонный стол, я мысленно болел за одну из капель, наблюдая, как она, опережая несколько других, спускается по стеклу. Наверняка каждый так делал. Это происходит бессознательно.

В детстве я из-за своей нетерпеливости бил пальцем по стеклу. Я думал, что таким образом подгонял понравившуюся мне каплю. В итоге все капли разом скатывались вниз, оставляя после себя тоненькие полосы влаги. С возрастом я не стал более терпеливым, но уже не тратил силы на вещи, исход которых не зависел от меня.

Из-за дождя за окном было видно лишь мерцание размытого фонаря. Слившись со светом этого фонаря, моя капля исчезла на долю секунды. Появившись, она вышла на финишную прямую, оставив все остальные капли позади себя. Исчезнув, она первой коснулась нижней рамы окна. Ребёнок, живший глубоко внутри меня, ликовал.

Дочь уже спала, а моя жена, помыв посуду после ужина, который мне пришлось поглощать еле тёплым, наливала кипяток в кружку. Она давно уже не сердилась на меня из-за того, что я вечно опаздываю на ужин. Она и раньше не ругалась из-за этого, но сейчас она уже и не ожидала увидеть меня вовремя.

– Держи, – спокойно сказала Мари, передавая мне в руки кружку кофе и садясь рядом со мной.

Повернувшись всем телом ко мне и подогнув колени, она поставила свои ноги на перекладину моего стула. Она подняла со стола свою любимую чёрную кружку с зелёным чаем и поднесла к своим губам. Мой старый тёмно-синий джемпер, который она постоянно носила дома в холодную погоду, закрывал её руки, оставив открытыми только пальцы. Её русые волосы, напоминавшие мне оттенок тёмного мёда, который переливается разными тонами, когда его начинаешь размешивать, мягкими волнами спускались чуть ниже плеч. Мне всегда так нравилось, как её волосы начинали завиваться после ванны. Она как раз вышла из душа, когда я пришёл домой, поэтому сейчас от неё веяло ландышами.

– О чём на этот раз задумался? – спросила она.

– Да ни о чём, – пробормотал я, переводя взгляд с её волос на свою кружку.

– Какой-то ты мрачный сегодня.

– Да всё в порядке, – отмахнулся я, – как обычно, я всё ещё мысленно на работе.

Я попытался выдавить из себя естественную улыбку, но, судя по всему, у меня это плохо получилось. На душе у меня была тяжесть, поэтому мне было сложно сделать непринуждённый вид. Глаза явно сдавали меня. Невозможно сделать счастливое лицо, если глаза всё равно остаются печальными. Ты собираешь всю силу воли, напрягаешь все свои нервные окончания, но выражение глаз не меняется, даже несмотря на то что в их уголках появились необходимые морщинки, которые должны создавать впечатление смеющихся глаз. Никогда не понимал, отчего так происходит. Но я понимал, что нужно всего лишь внимательно посмотреть человеку в глаза, чтобы узнать, о чём он думает на самом деле. Но это нужно делать до того, как ты задал ему вопрос, на который хочешь получить желанный ответ. Эта простая истина почти всегда помогала мне в работе. На допросах люди и без того нервничают, а когда пристально смотришь на них и неожиданно задаёшь нужный вопрос, то они уже не могут скрыть свою реакцию. Именно от этой реакции я и отталкиваюсь, расследуя убийства, похищения и другие преступления.

Несколько секунд Мари смотрела на меня испытующе. Теперь уже я ощущал себя как на допросе. Глубоко вздохнув, она поднесла кружку к губам и отпила глоток чая. В глазах у неё мелькнуло раздражение.

– Я завтра еду в аптеку, тебе не нужно уже покупать таблетки? – в её голосе прозвучал холодок.

– Нет, пока ещё есть. Зачем тебе в аптеку? Я мог бы завтра после работы сам заехать туда.

Она не знала, что таблетки, которые мне выписал Мистер Брайтон, я перестал пить уже как два месяца назад. Я не особо доверял всяким мозгоправам, поэтому с трудом согласился пойти к нему на приём. Жена заставила меня сходить к нему, когда я после очередного закрытого дела вдруг начал думать, что ошибся и настоящий убийца тридцатисемилетней женщины ходит на свободе. Я знал, что моя проблема не надуманная, а его диагноз ложный, но я покорно вынес и вынужденный отпуск, и лечение, на которое я якобы согласился, и шуточки коллег, которым доставляло огромное удовольствие подкалывать меня.

Но это всё в прошлом. Тогда я понял, что нет смысла доказывать психотерапевту то, что я не болен. Нужно только соглашаться с ним и делать вид, что следуешь его указаниям. И тогда это всё закончится намного раньше, чем, если я бы стал упираться и спорить.

Этот знаток утверждал, что у меня развивается мания преследования. По его словам, наибольшим моим страхом является опасение поступить неправильно и принять неверное решение. Он меня убеждал, что такие люди, как я, склонны обвинять других в собственных несчастьях, тем самым снимая с себя вину. В общем, бред полный! Нет у меня никакой мании преследования! Это ублюдок не то чтобы следил за мной, он делал вид, что следит. Он специально делал это так, чтоб я его видел. Я догадывался, что Морис знает о моих подозрениях, поэтому делает вид, что преследует меня, и, таким образом, как бы запугивает меня и издевается надо мной. Морис хотел, чтобы я начал нервничать. Я никогда не делал вид, что не замечаю его, но и паниковать из-за таких проделок я не собирался.

Вся проблема в том, что этот Морис – местный священник. Он был настоятелем в церкви. Тогда мы посадили его двадцатилетнего сына, который во всём признался. Парень описал, как встретил знакомую своего отца и поругался с ней из-за какой-то мелочи. Он даже не помнил причину их спора, с которого всё началось. Он рассказал, как в пылу ссоры ударил её кулаком по голове, от чего она сразу упала. Он говорил, что дальше ничего не помнил. Но зато он объяснил, из-за чего мог так бурно отреагировать на ссору с женщиной. Сын Мориса был сильно пьян. А пьян он был из-за того, что его девушка изменила ему. Узнал он об этом за пару часов до убийства.

Я помню, как даже опытных полицейских в тот день стошнило, когда труп женщины переворачивали на спину. Внутренности с характерным звуком вывалились наружу, а её лицо было похоже на кровавое месиво. Нас поразили вся дикость и звериная жестокость, с которой было совершено это убийство. Смотря на этого парнишку, я никак не мог представить, что он был способен на такое страшное преступление.

И вроде бы всё сходилось – он признался. Да и следы крови этой женщины присутствовали на его одежде и обуви, но я до сих пор не понимал, в какой же ярости нужно было быть, чтобы так раскромсать её одежду и тело. Никто не мог поверить в это, но и доказать обратное никто не смог. На вид парень не был особо крепким, да и психически неуравновешенным его никак не назовёшь. Даже если учесть тот факт, что в момент, когда человек чувствует адреналин, силы его необычайным образом увеличиваются в разы, я всё равно сомневался, что он смог сделать это.

Мне не давал покоя отец парня. Уж очень наигранно было горе у него на лице. Я всё понял наверняка, когда увидел в окно своего кабинета его лицо после допроса. Оно выражало безразличие. Даже не безразличие, скорее, раздражение. Будто его разбудили в субботу в пять утра звонком в дверь, чтобы прорекламирровать новый пылесос.

Но доказать я бы ничего не смог. Его жена утверждала, что в тот вечер у них ужинал брат Мориса. После того как его брат ушёл, они с мужем недолго смотрели телевизор, затем

прочитали молитвы и легли спать. Также это подтвердил брат Мориса и его соседи, которые видели, как он вышел из их дома.

Отец парня был очень набожным священнослужителем, поэтому не захотел видеться и разговаривать с сыном. И только мать парня один раз навестила его. Она всё время плакала. Мне не понравилось, что в её взгляде было написано, будто она винит во всём себя. Я слышал, как она просила у него прощение.

На суде никто из его родных не присутствовал. Он смиренно выслушал приговор, ни разу не посмотрев на присутствующих в зале суда.

После этого всё и началось. Я стал замечать рядом с собой явные признаки присутствия Мориса. Я стал нервным и подозрительным. И как назло, мне никто не поверил. Мне пришлось идти к Мистеру Брайтону, а после делать вид, что я пью эти дурацкие таблетки.

Чувствуя себя не совсем полноценным, принимая таблетки, которые мне выписал психотерапевт, я решил забросить это дело сразу же, как только закончилась первая упаковка. Мари я ничего не сказал, так как был уверен, что со мной всё в полном порядке. Я был убеждён, что не сын Мориса убил ту женщину.

– У меня противозачаточные закончились. Я собиралась ехать утром. Мне нужно принять их в обед, – ответила Мари на мой вопрос, выводя меня из моей задумчивости.

Она не смотрела на меня. Мари спустила ноги с перекладины моего стула и развернулась к столу.

Я начал уже забывать, что она категорически не хочет больше детей. Несколько раз я пробовал разговаривать с ней об этом, но это заканчивалось скандалом. Мало того что я так и не находил объяснений её упрямству, так ещё и оставался виноватым. Мне хватило пару раз таких скандалов, и я больше не лез к ней по этому поводу. К тому же это было вовсе не принципиально для меня. Я был благодарен ей за то, что у меня уже есть любимая дочь.

– Во сколько ты завтра домой? Нам с Софи ждать тебя на ужин? – спросила она после продолжительного молчания.

– Мне, наверное, придётся опять завтра задержаться.

Мари ничего не ответила. Она и не ждала от меня утвердительного ответа. Мари продолжала пить чай с невозмутимым видом. Иногда это меня даже беспокоило. Она уже давно делала вид, что ей всё равно.

– Помнишь, я рассказывал тебе про Акифа, которого обвиняют в убийстве жены и сына. Так вот, недавно я узнал, что его жена говорила ему, когда ещё была жива, что видела друга своего брата в городе. Но Акиф не поверил, что тот прилетел так далеко из Иордании только для того, чтобы отомстить им за честь семьи своего друга, – сказал я, решив нарушить гнетущую тишину, которая, по всей видимости, смущала только меня.

– Ты думаешь, её брат действительно отправил сюда своего друга, для того чтобы убить свою сестру?

– Вполне возможно.

– И всего лишь из-за того, что та оказалась не девственницей и сбежала с возлюбленным? – с насмешливым возмущением спросила она.

– Не просто не девственницей. В тот момент, когда родные собрались выдать её замуж, она была уже беременной. Когда она решилась рассказать об этом Акифу, то была уже на втором месяце беременности.

– А я-то думала, что эти средневековые законы со своими убийствами во имя чести уже давно забыты.

– Ну, знаешь, сразу отменить все средневековые законы шариата невозможно.

Мари смотрела вглубь своей кружки чая и молчала. Её глаза не выражали ничего. Только хладнокровное спокойствие. Мне захотелось больше рассказать ей о том, что я узнал за этот

месяц поисков. Я многое выяснил о жизни и культуре этих людей, и мне захотелось поделиться этим с ней.

– В некоторых местах ещё сохранился обычай, согласно которому родственники жениха могут перебить всю семью невесты, если та оказалась не девственницей. И суд даст убийцам только условное наказание, так как бесчестье невесты считается смягчающим вину обстоятельством для такого тяжкого преступления.

Мари приподняла бровь и посмотрела на меня, но всё же ничего не сказала. Она внимательно слушала.

– Я недавно вычитал, что в некоторых местах жестоко забивают камнями потерявших раньше замужества девственность невест или изменивших мужьям женщин. Их закапывают так, чтобы они не могли двигаться. Ну а дальше сама можешь догадаться, что происходит.

– Это бесчеловечно. Но так поступить может только человек, – нахмурившись, ответила она.

И она была права. К сожалению, такие бесчеловечные поступки и определяют нас как людей. Только люди могут убивать из-за веры, предательства, денег и зависти.

– В любом случае я не верю, что человек, настолько любящий свою жену и ребёнка, может их убить. Я просто хочу помочь ему. Мне необходимо будет опять задержаться на работе.

Мари наконец-то улыбнулась и сказала: «Я знаю».

На следующее утро она уехала раньше меня. Пока я завтракал, обдумывая, что в первую очередь мне необходимо сделать сегодня, спустилась Софи. Она опять нацепила на себя эти бесформенные тряпки. Она их называет модными. Ей уже четырнадцать лет. В её возрасте девочки уже задумываются о том, как бы выглядеть привлекательнее для мальчиков. Пытаются быть более женственными. Она же мне говорит, что я ничего не понимаю в современной одежде. Видимо, я действительно немодный, раз уж не понимаю, почему девочке в наше время непременно нужно выглядеть как мальчик.

У моей дочери были чёрные волосы, как и у меня. Стрижку она постоянно делала одну и ту же. Спереди прямые пряди до плеч, а сзади они были чуть короче. Вроде она называла это «боб». Когда она в первый раз сказала мне название стрижки, то я подумал, что это было имя её парикмахера. Я понял, в чём суть, лишь через месяц, когда она собралась снова стричься. Тогда я спросил у дочери: «Ты опять идёшь к Бобу?»

С собой она постоянно таскала очки с большими круглыми линзами. Там были обычные стёкла, так как зрение у неё было отличное. В противном случае Мари бы не разрешила их носить ей. Вот для чего ей они?! В детстве мы издевались над теми, кто носил очки. Мы все называли таких детей очкариками, четырёхглазыми, ботаниками и тому подобное. А сейчас же детишки целенаправленно делают из себя фриков. Они намеренно надевают на себя всё самое нелепое, а ещё и гордятся этим. Странное поколение.

Она постоянно носила уродливые ботинки, смахивающие на армейские. Только в совсем жаркие дни надевала безобразные кроссовки с толстой подошвой. В них её ноги выглядели на три размера больше. Она походила на диснеевского персонажа, у которого тонюсенькие ножки и огромные ботинки.

Видимо, она прочла по моему лицу, о чём я думаю. Состроив гримасу недовольства, она закатила глаза так, будто хотела сказать: «Ну что опять?» Нацепив на себя куртку и шарф, Софи поспешно направилась к двери. Её подруга уже ждала её на улице.

– Я ушла, – бросила она через плечо уже у самой двери.

– Шапку надень! – крикнул я для закрывшейся двери.

Вздыхнув, я поднялся из-за стола и направился на улицу к машине.

Переходный возраст является одним из самых мучительных периодов в жизни. Как для подростка, так и для его родителей. В этом возрасте Софи думала, что она уже совсем самостоятельная. Хоть она и была всегда чересчур уж взрослой для своих лет, но, по крайней мере,

раньше она слушалась меня. А я так всегда гордился тем, что у меня дочь в свои годы такая повзрослому спокойная и рассудительная. Я всё время дивился тому, насколько она была проницательна в свои годы. Смотря на вещи сквозь свою детскую наивность, она могла разглядеть суть таких вещей, о которых я никогда бы не догадался сам.

Я часто слышал от других родителей, что пока дети не повзрослели, они видят мир удивительно правильно. Вот и Софи, пока не начала взрослеть, пугала своей проницательностью. Хорошо, что она ведёт теперь себя как нормальный ребёнок, хоть и не очень послушный.

На улице было довольно прохладно. Вчерашние лужи уже покрывались тонкой корочкой льда. Скоро совсем похолодает и всё покроется слепящей белизной снега.

По пути на работу меня никак не оставляло гнетущее чувство, которое с каждой минутой усиливалось. К сожалению, мне было уже знакомо это ощущение. Оно было частым спутником в моей жизни.

Остановившись на светофоре, я ощутил, как к горлу что-то подкатывает. Будто огромные щупальца медленно обхватывали мою шею, плечи, а затем и голову, с каждой секундой усиливая хватку. Мой череп трещал от давления, а дышать становилось труднее. Воздух просто не поступал мне в лёгкие, хоть я и пытался дышать глубже. Через минуту давление начало медленно отступать. Я почувствовал лёгкое облегчение. Это было похоже на ощущение, когда ты долгое время терпишь неудобства из-за того, что на твоём плече лежит голова спящего ребёнка. Плечо у тебя затекло, но ты не хочешь будить его, поэтому не двигаешься и терпишь. И вот, когда ребёнок наконец-то проснулся и поднял голову, ты ощущаешь отступающее давление, которое сменяется ощущением покалывающей лёгкости в плече. Это ощущение окутывало меня всего. Я почти не дышал. Мой организм будто и не понимал, что для того, чтобы остаться в живых, ему необходимо намного больше воздуха, чем поступает сейчас. Как бы я ни пытался, но лёгкие не хотели работать так, как положено. Я ощутил дурман. Паника отступала. На смену ей пришла апатия. Теперь мне и не хотелось дышать. Более того, мне не хотелось двигаться. Я чувствовал отрешённость ко всему происходящему вокруг. Я будто впитывал умиротворение. Единственное, чего я сейчас хотел, это закрыть глаза и больше их не открывать.

Раздался сигнал машины, стоявшей за мной. Она вырвала меня из оцепенения. Удивительно, но я мгновенно пришёл в себя. Схватившись за руль, я тронулся с места, пытаюсь сосредоточиться на дороге. Приступ длился от силы полминуты, но мне показалось, что меня уносило в это забытье целую вечность.

Подъезжая к работе, я краем глаза заметил старенький серый пикап. У себя в голове я отметил, что уже видел эту машину вчера вечером. Только сейчас она стояла с другой стороны здания. Такой же автомобиль был у Мориса. Солнце располагалось как раз позади этой машины, поэтому я не мог рассмотреть лицо водителя. По силуэту я понял, что это был мужчина. Определённо это был Морис. Рано или поздно он доведёт меня своими выходками и очень пожалеет об этом. Я ещё докажу его причастность к убийству той женщины.

По обыкновению, я сделал вид, что не заметил его. Пусть тешит своё самолюбие тем, что так ловко следит за мной, что я даже не подозреваю о его существовании.

На работе я первым делом достал дело Акифа. Я соображал, как можно подтвердить то, что он мне рассказал. Имя предполагаемого убийцы он не помнил, а приметы, которые он назвал, были весьма скудны. Неизвестно, когда он мог прибыть в страну. Также не понятно, здесь ли он до сих пор. Единственным способом найти его было отыскать любые признаки прибытия этого человека в страну.

Акиф не слишком охотно сотрудничал с нами. Всем было ясно, что даже если его оправдают, то для него, по сути, ничего уже не изменится. Жену и сына уже никто не вернёт.

В этот момент в кабинет постучалась Лора. Это была стажёрка. Она недавно появилась в нашем отделе. Совсем молодая. Она старательно пыталась со всеми подружиться. Поначалу

я думал, что это было из-за её наивности, но потом понял, что это был способ втереться во всеобщее доверие. И ей это неплохо удавалось.

– Доброе утро, Артур! Не отвлекаю? – сказала она, широко улыбаясь и входя в кабинет.

Улыбка у неё была шикарная: ровные белые зубы и красивые полные губы. Её улыбка притягивала взгляды как мужчин, так и женщин. Она и сама знала, что когда улыбалась, люди невольно начинали восхищаться ей. Забавно было видеть, как взрослые мужики млели перед ней, как только ей что-то было нужно. Наверняка в школе учителя многое ей прощали за её милую мордашку.

Поначалу и я клюнул на её смазливую внешность, считая, что она была скромной и очень позитивной девушкой. Но за долгие годы работы детективом я неосознанно начал подмечать детали, которые обычно не бросаются людям в глаза, такие как уголок рта и морщинка возле глаза, которые, на секунду появившись, открывают её брезгливость по отношению к рядом стоящему человеку. Или нахмуренные брови и преувеличенная забота о человеке, которого она даже не знает. Можно долго перечислять то, из-за чего я очень быстро поменял своё мнение о ней, но это не изменит того, что остальных людей она продолжает водить за нос. И я говорю про тех, кто по сути своей профессии обязан сразу видеть в людях все их наклонности, повадки и привычки.

Открыто пользуясь своими чарами, она постоянно манипулировала людьми. И не только мужчинами. Женщины хоть и видели в ней соперницу, но также велись на её невинные глаза. Для них она была дочерью и младшей сестрой, которую нужно подбадривать и направлять. Думаю, именно поэтому у неё всё время было такое приподнятое настроение. Она была всеобщей любимицей.

Волосы у Лоры были густые, длинные и чёрные как смоль. Она всё время заплетала их в длинную косу. Только один раз я видел её с распущенными волосами. Это было, когда я встретил её в магазине после работы. Был поздний вечер, и я заскочил после работы за продуктами, которые Мари попросила купить. Лора же, ссылаясь на плохое самочувствие, ушла с работы ещё в обед. Я видел, как старательно она изображала боль в животе. И, естественно, ей поверили. Люди не могли даже заподозрить, что этот ангелок с глазами цвета янтаря, переливающегося на солнце, может солгать.

В магазине же я её застал очень бодрой и оживлённой. На ней были обтягивающие джинсы и ярко-бирюзовая рубашка, заправленная за пояс. Рубашка была расстёгнута почти на все пуговицы, из-за чего была видна белая обтягивающая майка. Губы у неё были накрашены кроваво-красной помадой. Такая маленькая деталь, как распущенные волосы и накрашенные губы, всегда приковывают взгляд к симпатичной девушке. На работу Лора никогда не красилась. До этого момента я её и не воспринимал как женщину. К тому же ей было всего двадцать четыре, а мне – уже тридцать семь. На тот момент я ещё считал её простоватой девушкой, хоть немного и эгоистичной, поэтому тот контраст, который мне открылся в тот вечер, слегка ошеломил меня.

В руках у неё были весьма тяжёлые сумки с покупками. В этом я убедился, когда помогал ей донести их до машины. А она тем временем призналась мне, что сбежала с работы для того, чтобы подготовиться к вечеринке. Она устраивала её в своей съёмной квартирке. Это была вечеринка в честь приезда её друзей из другого города. Именно поэтому ей и пришлось соврать. Она не постеснялась мне рассказать всё это, полагая, что виноватый взгляд и извиняющийся тон её голоса заставят меня растаять и ничего никому не сказать. Я и не собирался никому про это говорить, но не потому, что она этого хотела, а потому, что мне попросту было плевать на это.

Тогда мы поболтали совсем недолго. Сейчас я даже не вспомню, о чём мы разговаривали. В тот момент я был заморожен её губами, которые быстро шевелились, рассказывая мне что-то.

Ночью после нашей встречи я почти не спал. Всю ночь мне не давал покоя образ Лоры. Я корил себя за свои мысли, но не мог заставить себя убрать из головы её красные губы.

– Я принесла тебе кофе, – всё тем же жизнерадостным голосом сказала она, вырывая меня из моих воспоминаний.

Она поставила пластиковый стаканчик передо мной. Сама же опустилась на стул и, прилебнув из своего стаканчика с кофе, очередной раз широко улыбнулась.

– Спасибо. Я как раз никак не могу проснуться.

Её янтарные глаза смотрели на меня в упор.

– Ты до сих пор ломаешь голову по поводу того араба? Разве Клайд не должен был проверить базы данных авиакомпаний? – небрежно спросила она.

– Он этим и занимается. Так же, как и я, он делает всё возможное.

– Понятно, – сказала она безразлично, не забыв при этом закатить глаза.

– Что? – с лёгким возмущением спросил я. – У тебя сомнения по этому поводу? Или ты не веришь в его невиновность?

– Не в этом дело, – слегка помедлив, а затем, добавив, она сказала: – я просто думаю, что это бесполезно. Вы ищите иголку в стоге сена. Неизвестно, в каком месяце он прилетел и вообще здесь ли он до сих пор. Сотни людей подходят под описание. А если предполагаемый убийца уже не в этой стране, то считай, что вы уже не оправдаете того, второго араба.

Не успев начаться, меня уже стал раздражать этот разговор. А точнее, с какой лёгкостью она отзывалась о несчастье других. Особенно меня возмущала её подчёркнутая небрежность, когда она говорила: «араб». В момент, когда она произносила это, у неё на лице появлялась пренебрежительность. Будто все, кто ниже среднего класса, недостойны от неё даже минимальной жалости, а уж тем более помощи.

Чтобы не отвечать ей и тем самым не выдавать своего раздражения, я взял кофе и начал пить. Смотря в пустоту, я делал вид, что задумался о чём-то важном. На самом деле, я думал о том, что все красивые люди от природы эгоистичны. Они с самого детства растут с чувством собственного превосходства над другими. И понимают, что имеют преимущество над другими, менее симпатичными детишками. И в этом виноваты окружающие. Их больше любят воспитатели и учителя, им прощают манипуляции и шалости, и даже если они нашкодят, то родители, скорее всего, просто будут умиляться проделкам своего эгоистичного ангелочка. В конечном итоге они вырастают циничными взрослыми, которые уже не могут жить без того, чтобы ими не восхищались.

И тут я вспомнил Мари. Она никогда не была эгоистичной и циничной со мной. Она любила и ценила меня. Моя теория рухнула в ту же секунду, как только я представил ласковые глаза своей жены. Наверняка это было самое быстрое опровержение своей же теории, которую когда-либо выдвигал человек. Я усмехнулся про себя.

А ещё я думал о том, что неплохо было бы уже заканчивать этот неприятный разговор и затяжное молчание после него. Я хотел, чтобы кто-нибудь ещё помимо Лоры зашёл ко мне в кабинет и нарушил это неловкое молчание. Я чувствовал её сверлящий взгляд на своём лице. Мне не хотелось вступать с ней в спор. У меня не было ни малейшего желания доказывать ей свою точку зрения. Я считал, что ещё не всё потеряно и мы сможем найти настоящего убийцу семьи Акифа. Смысла доказывать в теории то, что можно показать на деле позже, не было. К тому же я знал, что Лора бывает чересчур упрямой.

Мои молитвы были услышаны. В тот момент, когда я уже думал о том, чтобы выпроводить Лору, в комнату влетел Клайд. Я вздохнул с облегчением.

Он был жутко взволнован. Увидев Лору, сидящую напротив меня, он совладал со своими эмоциями и уже спокойным шагом дошёл до моего стола. Она бросила мимолётный взгляд себе за плечо для того, чтобы понять, кто вошёл в кабинет. Это была всего секунда, но я заметил на её лице раздражение. Всего на секунду её маска спала, и она показала своё истинное я.

Она думает, что никто не замечает этого. В основном так это и происходит, но я давно начал подмечать её перевоплощения в такие моменты и уже не удивлялся её ханжеству.

Клайд же в это время, проходя за её спиной, начал намекать мне своим взглядом, перебегающим то на неё, то на меня, на что-то непристойное. Улыбка у него была, как и всегда в такие моменты, невыносимо ехидная. Полицейский он был хороший, но в эмоциональном плане он остался на уровне выпускника старших классов.

– Привет, Клайд, – произнесла Лора со своей неизменной улыбкой.

– Привет, милая, – сально ответил школьник с телом взрослого мужчины.

– Ладно, я пойду. Мне ещё нужно кучу бумажек разобрать до обеда. Если понадобится, то ты знаешь, где меня найди, – обратилась она уже ко мне.

Лора вышла за дверь, оставив на столе свой стаканчик недопитого кофе. Мне не терпелось послушать Клайда, поэтому я не обратил внимания на то, что он схватил кофе Лоры и допил его одним глотком. Шумно выдохнув, он выкинул стаканчик в урну, стоящую в углу кабинета. И на то, что он не попал в урну, я тоже решил не обратить внимания. Лучше сразу выслушать его, когда он становится таким взволнованным.

– Артур, я не понял, у тебя с ней того? Что-то есть? – заговорщически спросил он.

– Боже, Клайд! – воскликнул я. – Не носи чушь! Ты же залетел в мой кабинет не для того, чтобы задавать такие тупые вопросы? Давай уже выкладывай! Что там?

– А, ну да, – он замаялся, почесав при этом свой лоб, – Артур! Ты не поверишь, но, похоже, я его нашёл!

Он уселся на место, где только что сидела Лора.

– Одна старая женщина, которая жила рядом с семьёй Акифа, её зовут Миртл, утверждает, что видела одного араба, который часто приходил в их район. Он подолгу там стоял и курил, как будто выжидал кого-то. Ты же знаешь, какие подозрительные и наблюдательные эти старушки, которым вечно нечего делать. Сидят целыми днями во дворе и перемывают косточки каждому проходящему.

– Давай уже ближе к делу! – выпалил я.

– Ну, так я к тому и веду! Так вот, эта старушка говорит, что они с подружкой недавно завели беседу об иностранцах. И естественно, – протянул Клайд, закатывая глаза, – речь зашла и о странном арабе, который по вечерам подозрительно долго стоит у подъезда и уж очень много курит. Так вот, вторая бабулька нашла сходство со своим недавно заселившимся жильцом. Представь себе! Та сдаёт очень скромную комнатку в своей квартирке. Она, между прочим, живёт через пару улиц от бывшего жилья Акифа. В общем, посидев и поразмышляв, эти бабульки пришли к общему мнению, что это один и тот же человек. Появился он там, между прочим, незадолго до смерти жены и ребёнка бедняги. А после того как подружки поняли, что этот человек может иметь какое-то отношение к ужасному убийству, которое подняло на уши весь район, они сами позвонили нам и рассказали всё, что знали, – Клайд умолк, договорив до логического конца.

– Старушки! Кошмар какой! Клайд, я думал, что ты отследил перелёт этого человека к нам в страну. Или что ты пробил данные о том, улетел ли он обратно! Это же просто сплетни старух!

– прокричал я.

– Ну, знаешь! – возмущённо воскликнул он. – Это уже хоть какая-то зацепка.

– Клайд, это слухи. Ты детектив, – медленно, с расстановкой произнёс я, – ты должен верить фактам, а не сплетням выживших из ума старух!

– Ладно, – обиженно буркнул он, – Артур, успокойся. Ты же не сломаешься, если проверишь. К тому же откуда ты знаешь, может, бабульки окажутся правы и это и есть наш убийца. Кстати, он живёт всё там же. Я напишу тебе адрес. Ты бы проверил его сегодня, а то мало ли что, – он пожал плечами, – вдруг сбежит.

Он попутно писал адрес на клочке бумаги, который бесцеремонно вырвал из моей записной книжки. Для чего он это сделал, я так и не понял. Клайд мог бы написать адрес и не уродуя мой блокнот. Но я промолчал. Я давно усвоил то, что он не может адекватно воспринимать критику в свой адрес. В прошлый раз, когда я сделал ему замечание по поводу его поведения, он начал вести себя как самый настоящий ребёнок. Зрелище хоть и забавное, но очень раздражающее. Ему невозможно доказать хоть что-то в такие моменты. Он начинает упираться как осёл. В итоге я своим замечанием добился только того, что испортил себе настроение.

Я взглянул на адрес, написанный на огрызке листа от моего блокнота. Час езды как минимум. А чего я ожидал? Клайд же сказал, что араб живёт недалеко от места преступления.

– Ладно, может, случится чудо, и твои подружки окажутся правы, – съязвил я.

– Ну, давай, давай! Отправляйся уже!

У меня вырвался стон, который означал, что я сдаюсь. Я неохотно встал и двинулся к двери. Попутно я поднял стаканчик Лоры, который лежал на полу, и демонстративно выкинул его в мусорное ведро. Клайд довольно оскалился при этом.

– Удачи! – крикнул он мне вдогонку.

Я нацепил куртку и отправился на улицу. Солнце слепило. В воздухе чувствовался надвигающийся мороз, который предшествует концу холодной осени. Вчера ещё был дождь, но уже сегодня метеорологи обещали снег.

Я успел замёрзнуть за те пять минут, пока шёл до своей машины. Сев в автомобиль, я сразу достал сигареты, которые покоились под сиденьем. Приоткрыв окно и держа руку с сигаретой в форточке, я завёл машину.

Глава 2

По дороге я думал про семью Акифа. Я всё прикидывал, велика ли вероятность того, что это он убил свою жену и сына. Может, он просто держит нас за идиотов? Или тянет время? Убийцы часто прикидываются бедными овечками, чтобы отвести от себя подозрения.

Эти мысли заставили меня вспомнить один случай, когда молодая семейная пара удочерила трёхлетнюю девочку. Они счастливо жили где-то с полгода. И вот в одно утро ребёнок пропал из своей комнаты. Из улик было только открытое окно, которое родители оставили закрытым на ночь. Мать в прямом смысле этого слова рвала волосы у себя на голове. А отец выл и ревел как дитя.

Мы усомнились в их словах в тот же момент, когда поняли, что окно нельзя открыть снаружи, и сразу начали обыскивать весь дом. В итоге тело девочки нашли в тот же день. Она была закопана под полом подвала. Было заметно, что доски не так давно вырывали, а потом прибавляли обратно. Это сразу бросилось мне в глаза.

Было страшно видеть это маленькое, скукоженное тельце мёртвого ребёнка. Рука и шея у неё были сломаны. А по всему телу были тёмно-синие синяки. Как выяснилось позже, девочка оказалась болезненным ребёнком и часто плакала. Это выводило из себя новоиспечённых родителей, и они часто срывались на ней. В конце концов, для того чтобы женщина взбесилась и свернула шею девочки, оказалось достаточно одного всхлипывания ребёнка.

Это я к тому, что эти люди, если их так можно назвать, очень достоверно играли роль убитых горем родителей. Может, и Акиф такой же? Но в это я не мог поверить. Свидетели говорят, что он хоть и очень мало бывал дома, но свою семью любил безумно. Он много работал то уборщиком, то грузчиком, то сторожем. Платили ему мало. А всё из-за того, что люди относились к такому, как он, предвзято. Поэтому его и не было постоянно дома. Он хватался за любую работу. Акиф делал всё, чтобы его сын не жил так же, как и он.

В деле же с трёхлетней девочкой всё было по-другому. Молодая пара привыкла жить только для себя. Они попросту оказались не готовы к такому резкому изменению в образе их спокойной жизни.

Если я не найду хоть какие-нибудь доказательства невиновности Акифа, то его посадят как минимум на десять лет.

Акиф рассказал, что пришёл домой поздно. Страшная картина открылась его глазам, когда он открыл дверь. Сын лежал на полу у входной двери. По всей видимости, ему не хватило совсем чуть-чуть для того, чтобы убежать от убийцы. Весь в крови, он лежал лицом вниз с протянутой правой рукой. Жену же он нашёл в ванной. Она сидела в углу. Голова её была опущена на грудь, а окровавленные руки безжизненно лежали на коленях. У них у обоих было перерезано горло.

После увиденного кошмара он впал в безумие. Акиф говорил, что не помнит, как оказался в другом конце города. Но очевидцы утверждают, что видели, как он бежал ночью по дороге. Он бежал так, будто убегал от своры бешеных собак. Утром одна молодая пара увидела рыдающего мужчину на улице. После расспросов они поняли, что случилось что-то ужасное. И что-то, что связано с убийством. Они отвели его к нам. Он долго приходил в себя. Акиф начал соображать только к вечеру. И то только после того, как приглашённый врач дал ему сильнодействующее успокоительное.

– Это я виноват. Всё из-за меня, – сказал он.

Это и стало основой его обвинения. Временами я жалел, что он побежал в сторону именно нашего участка. Если бы он рванул по другой дороге, то я бы не ломал сейчас себе голову над этим делом. Но с другой стороны, детективы другого участка не стали бы даже заду-

мываться о его невиновности. Ведь легче всего посадить Акифа за убийство, чем расследовать это дело. С нами у него хотя бы был шанс.

Крупными хлопьями пошёл снег, когда я уже ехал по нужной мне улице. Он сверкал в лучах солнца и оседал на всё ещё зелёных газонах. На некоторых участках виднелись белые островки только что выпавшего снега.

Припарковавшись в конце перекрёстка и закрыв машину, я отправился к дому номер двадцать восемь. Это было старое длинное одноэтажное здание с несколькими подъездами. У входной двери висела выцветшая и облезлая от дождя и ветра табличка, указывавшая номер квартиры.

Я машинально обернулся. Наверное, для того чтобы убедиться, что моя машина не слишком привлекает внимание.

Звонок не сработал. Постучав в дверь, я застегнул молнию на куртке до подбородка. От холода у меня пошли мурашки по всему телу. Тишина.

Начиная нервничать из-за того, что зря тащился в такую даль, я ещё раз постучался, но гораздо сильнее, чем это требовалось. Через несколько минут я услышал еле слышный звук открывающейся двери. Похоже, внутри квартиры наконец-то кто-то решил выйти из своей комнаты.

Скрежет первого замка, второго и, в конце концов, после скрежета третьего замка входная дверь приоткрылась на пару сантиметров, позволяя увидеть прищуренный глаз, взирающий на меня с подозрением. Через секунду глаз расширился и просиял. Дверь распахнулась. Передо мной стояла маленькая сморщенная старушка, укутанная в объёмный махровый халат, надетый поверх свитера. На голове у неё красовались розовые очки. А на глазах, на моё удивление, были размазанные голубые тени.

Стыдно было видеть эти нелепые и бесполезные попытки женщин бальзаковского возраста выглядеть моложе. Они вечно малюют себе на лицо вульгарный макияж, находясь в полной уверенности, что засохшая и осыпавшаяся тушь в складках морщин сделает их привлекательнее.

Видно было, что она только что проснулась. Вся лохматая, с заспанным лицом, в своём наряде она напоминала какую-то сумасшедшую шишигу. Это такие небольшие и лохматые представители нечистой силы. Впервые я услышал про это от Софи. Она уж очень увлеклась всякой нечистью в детстве. Её всегда привлекало всё необъяснимое и мистическое. Поэтому я узнал много нового о сверхъестественных существах от своей дочери. А когда ей было около восьми, она всерьёз верила, что может управлять рыбками силой мысли.

Раньше у нас был большой аквариум с множеством рыб. В основном это были гуппи. Как-то я заметил, что небольшие особи были не прочь полакомиться своим собратом более внушительного размера. Это было странно, так как в природе у этих рыб всё должно происходить наоборот. Обычно взрослые особи поедают своих мальков. Я уже собрался объяснить дочке круговорот жизни в природе, чтобы она не расстраивалась по поводу погибших рыбок, как она прервала меня и совершенно спокойно сказала: «О чём ты, пап? Это я сказала им сделать это». Я, естественно, списал это на её бурную фантазию, но рыбки так и продолжали пожирать друг друга. В итоге я продал аквариум с оставшимися там мальками. После этого она всерьёз начала интересоваться всякими троллями, эльфами, русалками и подобной нечистью. Теперь я всегда мысленно содрогаюсь, когда вижу аквариумы.

– Как быстро! – хрипящим голосом сказала старуха. – Я не думала, что Вы сегодня приедете. Проходите, проходите!

Отходя от дверного проёма, она сделала жест рукой, приглашая меня войти. Заперев за мной дверь на два замка, она показала трясущимся пальцем на первую дверь. Я подошёл и уже приготовился стучать, как старуха, втиснувшись между мной и дверью, повернула ручку и открыла дверь. Она схватила меня за рукав своей сморщенной клешнёй и втянула в комнату.

До меня дошло, что это была её комната. Захлопнув за мной очередную дверь, она торопливо направилась к креслу. Усевшись, она непонимающе уставилась на меня. Я всё ещё стоял у двери, удивлённо наблюдая за всем происходящим.

– Ну! Садись ты уже! Садись! – сказала она, указывая на второе кресло напротив себя.

Я не заметил, когда мы успели перейти с ней на «ты», но решил не спорить с пожилым человеком и набраться терпения. Присев на кресло, предварительно согнав спящую на нём рыжую кошку, я стал ждать от неё объяснений.

Она всё так же сидела и выжидающе смотрела на меня. Я чувствовал себя полным идиотом из-за того, что позволил ей так бесцеремонно втащить себя в её комнату. Я уже начал думать, что она приняла меня за кого-то другого. Она ведь даже не спросила моего удостоверения. И только я собрался сказать ей об этом, как она заговорила своим скрипучим голосом.

– Ну! Ты будешь меня допрашивать или нет?

– Допрашивать? – удивлённо повторил я. – Нет. Я собирался допросить того человека, которого Вы описали по телефону. Он ещё не съехал? Вы же Оливия Беккер?

Она смотрела на меня недоверчиво. Будто я должен был посвятить её во все детали моего расследования.

– Естественно, я Оливия Беккер! И да, он всё ещё снимает у меня комнату, – недовольно произнесла она.

Её голос показался мне таким неестественным, будто металлической вилкой скребут по стеклу. Но теперь, сидя в кресле и разглядывая краем глаза комнату, я начинал понимать причину этого. Повсюду были разбросаны небольшие напоминания о том, что эта пожилая женщина никогда и не следила за своим здоровьем. Везде стояли грязные пепельницы с множеством недокуренных сигарет. На маленьком деревянном столике был пустой бокал. Я догадывался, что именно из него пили, так как на комодке стояли две полупустые бутылки коньяка. В комнате стоял запах, характерный для дешёвых пивнушек. Только к нему ещё примешивался запах кошачьей мочи. У меня появилось дикое желание закурить.

Я постарался сделать что-нибудь, чтобы разговор поскорее подошёл к моменту, когда я выйду из этой комнаты. Я натужно улыбнулся и спросил: «Как, говорите, его зовут?»

– Я не говорила тебе его имя! – рявкнула она.

«Вот это характер!» – подумал я, выпрямляясь в кресле.

– Мухтади, – недовольно произнесла она, решив всё-таки просветить меня.

Через секунду она вдруг ехидно заулыбалась и язвительно произнесла: – А знаете, как его имя переводится?

Она даже не дала мне ничего сказать. Оставив меня с застывшим вопросом на устах, она сразу же ответила сама:

– Идущий правильным путём! Ха! – она закашлялась. – Иронично, не правда ли? – издевательски сказала она сквозь хрип.

Смех у неё был ещё хуже, чем голос. Она считала это очень забавным, поэтому остановить её было не в моих силах.

– Я так понимаю, он сам Вам это рассказал? – спросил я, лишь бы прервать её жуткий смех, который снова начал переходить в кашель.

Она кивнула головой.

– Да, – осипшим голосом прохрипела она, – похоже, он очень гордится своим именем.

– С вашего разрешения я пойду и поговорю с этим Мухтади.

– Так его же нет сейчас. Он ушёл ещё рано утром.

– Что же Вы сразу не сказали мне про это?

– Ну, так нужно было спрашивать! Кто тут полицейский, я или ты?

– Понятно, – устало произнёс я, потирая переносицу пальцами, – он не говорил, когда вернётся?

– Нет. Он не особо разговорчивый. Да и разве он будет рассказывать о своих планах какой-то старой перечнице?! Но Вы можете подождать его здесь, если хотите, – предложила она уже более мягким тоном.

Я вздрогнул от одной лишь мысли, что придётся ещё хоть минуту сидеть у неё в комнате и слушать её надрывный смех. Она отталкивала от себя не только своим внешним видом и голосом, но и своими повадками. Жесты её были требовательны и полны нетерпения. Сразу было видно, что и в молодости она была стервозной и капризной женщиной.

– Спасибо, но я лучше подожду в машине, – я встал с кресла, намереваясь уйти, – я буду наблюдать за всем с улицы. Вдруг я замечу что-то странное в его поведении, когда он будет идти домой, – добавил я, чтобы мой отказ не звучал в упрек ей.

– Не смею вас задерживать, – с напускной небрежностью ответила она.

Она не сразу закрыла за мной входную дверь. Оливия Беккер осталась наблюдать за тем, как я иду к машине. Убедившись, что я не соврал и действительно собираюсь ждать Мухтади на улице, она с удовлетворённым высокомерием захлопнула дверь.

Я сразу начал шарить под сиденьем автомобиля. Мне нестерпимо хотелось курить. Мари, наверное, уже догадывалась, что я курю втайне от неё. Но даже если она чувствовала запах, то ничего мне не говорила. Может, это означает, что ей уже стало всё равно на моё здоровье? А может – и на меня. Раньше она ревностно следила за тем, что именно мы едим и пьём, а курить мне и вовсе запрещала. Если это так, значит, в нашей семье появилась ещё одна трещина, и мне стоило бы уже начать нервничать. А точнее, что-то предпринять.

В пачке сигарет не оказалось. Я совсем забыл, что по пути сюда выкурил последнюю сигарету. Это слегка разозлило меня, но я принял это за знак, говорящий о том, что мне не стоит сегодня больше курить. Поэтому я уселся поудобнее и начал ждать.

Никогда не любил ждать. Меня приводило в бешенство долгое ожидание. Хуже было, только когда мои ожидания в итоге оказывались безрезультатными. Я ненавидел очереди, ненавидел ждать выход нового фильма в кинотеатрах, ненавидел ждать лифты, и терпеть не мог ждать Мари из ванной и т. д. и т. п. Всё это я терпеть не мог, хоть иногда я и мог совладать с собой и не взорваться на очередного медлительного официанта в ресторане. Мари говорила, что я нетерпим к другим людям и это показывает мой эгоизм. Этого я и не отрицал, но поделаться с этим ничего не мог.

Я ждал уже около двух часов. Я чувствовал, что мне необходимо было покурить, и плевать я хотел на всякие знамения. Но уйти я не решался. Хоть магазин и был за углом, но всё же я легко мог пропустить Мухтади.

Ещё через полчаса я понял, что не выдержу, если прямо сейчас не покурю. Я выскочил из машины и направился в магазин. Я уже был у самой двери магазина, когда услышал своё имя.

Меня окрикнул женский голос. Я не поверил своим глазам, когда разглядел зовущую меня женщину. Ко мне приближалась сногшибательная блондинка. Широко улыбаясь, она шла уверенно и легко. И это несмотря на то что на ногах у неё были сапоги на высоченной шпильке. На ней была бежевая юбка и такой же бежевый пиджак, подчёркивающий талию. А поверх всего этого – шикарное коричневое пальто, которое она даже не застегнула. Она производила такое впечатление, будто совсем не чувствовала холода.

Я не сразу узнал её, но когда она подошла ближе, меня осенило. Мы учились с ней в одной школе. Она была на два года младше меня. И, честно говоря, в школьные годы я по уши был влюблён в неё. Иногда мы пересекались, когда гуляли в одной компании, но близко никогда не общались. Я никак не мог решиться позвать её на свидание. И это несмотря на то что я был старше её. Мне всё время что-то мешало. А за ней всегда бегала толпа поклонников, готовая в любую минуту расшибиться об стену, только попроси она их об этом.

Хлоя была всё такой же красавицей, только теперь она стала зрелой обворожительной женщиной. Возраст добавил ей шарма.

– Артур! Неужели это ты? – произнесла она бархатным голосом.

Я ещё не успел опомниться, как она обняла и поцеловала меня в щёку.

– Здравствуй, Хлоя. Ты почти не изменилась за эти годы, – смутившись, ответил я.

– Ой, да брось ты! – сказала она, отмахнувшись рукой. – А вот ты, я смотрю, возмужал. Я всегда знала, что из тебя получится привлекательный мужчина, – она подмигнула мне и коротко засмеялась над своими же словами. Замолчав, она задумчиво всмотрелась в моё лицо, – Артур, а сколько тебе сейчас лет? Мы же ровесники?

– Вообще-то, мне тридцать семь. И, насколько я помню, тебе должно быть уже тридцать пять, – я чувствовал, что придурковато улыбался под взглядом её искрящихся глаз.

– О! Так ты старше меня?! Я всё время думала, что это я старше тебя. Наверное, это потому, что ты всё время был каким-то тихим и застенчивым.

Её глаза лукаво улыбались, заставляя меня снова ощутить себя школьником. Я всегда становился робким, стеснительным и неуверенным в её присутствии. Я думал, что больше уже не почувствую себя настолько неуверенно перед женщиной. Такие ощущения свойственны закомплексованному подростку, но никак не взрослому мужчине.

– А что ты делаешь в этой дыре? – спросил я, поспешив отвлечь её внимание от моего внешнего вида, так как она уже начала оценивающе разглядывать меня.

– Я встречаюсь здесь с покупателями. Уже как год я успешный риелтор. И чувствую, что и сегодня меня ждёт удача.

При этих словах она сделала акцент на слове «риелтор» и самодовольно улыбнулась. Создавалось впечатление, что ей доставляет неопишное удовольствие называть себя риелтором. Прямо как ребёнок, который горделиво хвастается корабликом, сделанным своими руками.

– А что ты здесь забыл?

– Можно сказать, что и я жду тут клиента, – уклончиво ответил я, не желая рассказывать все подробности.

Она уже несколько раз за этот короткий разговор успела посмотреть на свои часы. Они были совсем не дешёвые. Аккуратный маленький циферблат и тонкий золотой браслет в виде переплетающихся листков. В деньгах она явно не нуждалась. Это и неудивительно. Парни всегда дарили ей хорошие подарки. А она и не отказывалась никогда от них. Завистливые одноклассницы говорили, что она уединялась с очередным ухажёром на спортивной площадке после того, как он подарил ей совсем не дешёвые духи. Надеюсь, эта манера поведения исчезла из её жизни.

Разглядывая Хлою и вспоминая некоторые моменты из нашей юности, я только сейчас понял, что большую часть жизни меня окружают циничные и алчные женщины. С самого детства я узнал, насколько женщины коварны. Впервые я ощутил это, когда на детской площадке одна девочка заплакала оттого, что я не дал ей свой жёлтый мяч с Микки Маусом. Она плакала до тех пор, пока меня не вынудили отдать ей его поиграть. После этого она сразу повеселела и, схватив мой мяч, умчалась в закат. Больше я свой мяч не видел. Как ребёнку мне было жутко обидно. Но мать сразу пресекла мои детские слёзы, поучая меня стать настоящим мужчиной. Наряду с женской коварностью я также стал смутно понимать, что такое женская солидарность.

– Артур, мне нужно бежать. Никак нельзя опаздывать, – сказала она после очередного раза, когда посмотрела на часы. Задумавшись на секунду, она опять бросила на меня оценивающий взгляд и добавила: – как ты насчёт того, чтобы встретиться сегодня вечером в кафе? Можно поговорить в приятной обстановке и вспомнить былое.

Былое? Что она имела в виду? У нас с ней практически не было никакого былого. В голове сразу вспыхнул образ Мари, а в сердце что-то кольнуло. Но я, сам того не осознавая, согласился и уже записывал её номер телефона себе в мобильный. Она, так же как и пять минут назад, приобняла меня и поцеловала. Ничего не сказав, Хлоя торопливым шагом стала удаляться от меня.

– Я обязательно позвоню! – крикнула она, даже не обернувшись.

Сидя в машине, я затягивался уже третьей сигаретой за этот час, наплевав на то, что салон моего автомобиля насквозь пропитался дымом.

Для чего я согласился встретиться с Хлоей? Не так уж у нас много общих воспоминаний. Хоть это и была всего лишь дружеская встреча, но я чувствовал себя так, будто совершил что-то подлое, согласившись встретиться с ней.

А способен ли я вообще предать Мари? Нужно признаться, что у нас в семейной жизни появилась какая-то натянутость. Помнится мне, что это всё началось с рождения нашей Софи. Говорят, что рождение детей сближает молодых, но, похоже, у нас что-то пошло не так. Я никогда не видел причину наших проблем в нашей дочери. Напротив, я души в ней не чаял. Но я никак не мог понять Мари. Она никаким образом не выказывала свои претензии и не показывала своё недовольство из-за моих проступков. В один миг что-то изменилось, и она вдруг стала отстранённой и холодной ко мне. Это касалось и темы о возможности завести ещё детей. Она просто-напросто поставила меня в известность о том, что начала принимать противозачаточные. Она сказала, что не хочет больше детей. И опять же это было сказано не в упрёк мне. Складывалось такое ощущение, что она сама уже всё решила за нас двоих. И моё мнение заведомо не учитывалось. К себе она тоже стала подпускать меня намного реже. Я списал это всё на послеродовую депрессию и думал, что она передумает, как только успокоится. Но причина заключалась в чём-то другом. Она не изменила своего решения. Я так и не смог выяснить это.

А может, это и к лучшему. На моё удивление, мы перестали с ней ссориться. Мы и раньше нечасто конфликтовали, но сейчас это вообще прекратилось. Она не лезла выяснять отношения и не повышала голос на меня. Мы жили мирно и спокойно. Я бы сказал, слишком спокойно. Иногда мне казалось, что такая жизнь чересчур пресная. Но, в конце концов, я как-то свыкся с таким семейным счастьем.

Через пару часов снегопад закончился. На газонах уже не было видно зелени. Снег лежал аккуратным ровным покрывалом. В некоторых местах даже образовались холмики, похожие на сугробы. Пытаясь бороться с дремотой, которая наваливалась на меня, я наблюдал, как искрится снег на ветках деревьев. Медленно моргая, я открывал глаза не чаще, чем пару раз в минуту. В очередной раз я с невероятным усилием открыл свои налитые свинцом веки. По тротуару торопливо шёл молодой мужчина арабской внешности. Он подошёл к тому самому подъезду, где я побывал ещё с утра. Дойдя до двери, он стал открывать замок ключами, которые заранее достал из внутреннего кармана куртки.

Я быстро заморгал, чтобы сбросить с себя забвение.

Открыв два замка, мужчина дёрнул ручку двери. Она не открылась. Похоже, его это не на шутку разозлило. Он резко взвёл руки к небу, при этом что-то гневно крикнув. Араб резким движением постучал кулаком по двери. Чересчур сильно, как мне показалось. Хотя я его понимал.

Через минуту дверь приоткрылась. Показалась голова всё той же старухи. Мухтади бесцеремонно распахнул дверь и влетел в дом. Оливия Беккер же как будто и не заметила раздражения мужчины, с которым он влетел в квартиру. Она с подозрением посмотрела по сторонам улицы, затем на меня и только потом закрыла дверь.

Меня позабавила мысль, что этот мужчина страдает от этого сморщенного деспота в халате не меньше, чем и десятки других мужчин до него. Наверняка ему живётся с ней несладко. Я ухмыльнулся, подумав о том, что это было ему лёгким наказанием за то, что он, возможно, совершил.

Выждав ещё минут двадцать, я направился к злополучной двери. Естественно, она была заперта на все три замка. Миссис Беккер сразу закивала головой в сторону второй двери по коридору, как только открыла мне, давая понять, что Мухтади там.

За дверь его комнаты был слышен нервный монолог. Слов я не понимал. Он говорил на своём родном языке. Постучав трижды, я замер. Голос стих. Через несколько секунд мужской голос что-то произнёс вполголоса. Послышались шаги и скрип замка. В этой квартире все безумно любят запираяться.

Дверь распахнул высокий смуглый темноволосый мужчина. По его взгляду сразу стало ясно, что не меня он ожидал увидеть. От неожиданности он слегка прикрыл дверь так, чтобы закрыть мне обзор на свою комнату. Это было сделано машинально, но такая реакция говорила о многом.

– Добрый вечер, – спокойно произнёс я, – меня зовут Артур Уайт. Не могли бы вы мне уделить пару минут?

Я показал ему свои документы, от чего он ещё больше напрягся. Мухтади молчал. В данный момент он соображал, являюсь ли я угрозой для него. Выглядел он весьма воинственно, но это только на первый взгляд. Хоть он и был на полголовы выше меня, мускулов ему явно не хватало. Я бы с лёгкостью задержал его, если бы он захотел сейчас сбежать. Он тоже это понял. Я заметил, как в его глазах промелькнула мысль о побеге, когда он быстро посмотрел на входную дверь, затем – на окно в кухне и, поняв, что пути отступления перекрыты, отошёл на шаг назад и выпрямился. Три замка на входной двери, как обычно, уже были закрыты.

– По какому поводу Вы пришли ко мне? – сказал он с сильным акцентом.

Впускать в комнату Мухтади меня явно не намеревался.

– Дело в том, что не так давно было совершено убийство неподалёку от вашего дома. Молодую женщину и её несовершеннолетнего сына задушили ночью у них дома, – сказал я, внимательно наблюдая за его реакцией, – в доме номер двадцать один.

Если он знает, что их не задушили, а зарезали, то у него на лице должна появиться хоть какая-то реакция, указывавшая на это.

Он поднял одну бровь, но в остальном лицо его осталось каменным. Так себе доказательство.

– Мы ходим и допрашиваем каждого, кто мог бы видеть что-то.

– Я ничего не видел, – резко ответил он.

– Могу я поинтересоваться, где вы были ночью с пятого на шестое число этого месяца?

Эти вопросы явно его нервировали. Он старался сдерживаться, но в его взгляде читалась неприкрытая ненависть. Даже если он не убийца, то меня бы он точно прирезал сейчас с удовольствием. Такие люди, как он, очень темпераментные. Они часто выходят из себя, не контролируя свои мысли и слова. Поэтому на их лицах сразу написано всё, о чём они думают. По его лицу сразу было понятно, что разговаривать со мной он не намерен.

– Здесь, – сквозь зубы сказал он.

– Мне можно войти?

– Зачем? – с вызовом в голосе спросил он.

– Так нам было бы удобнее общаться.

– Нет. Мне и так довольно удобно общаться здесь.

– Хорошо, я понял. А может ли кто-то подтвердить, что Вы были дома в эту ночь? Например, ваша милая соседка?

И да, одно упоминание об этой дамочке его вывело. Мне даже стало жаль его. Что же он успел вытерпеть от неё за всё то время, пока снимал у неё комнату?! Он побагровел, руки его заметно напряглись.

Мне не хотелось бы, чтобы он полез в драку. Тогда мне придётся одному тащить его в участок.

– Как ты смеешь приходить в чужой дом и допрашивать порядочного человека! – взревел он. – Я ничего не знаю про эту женщину и её сопняка! Вы все думаете, раз я араб, значит, я

имею отношение ко всем таким же, как и я? Я не буду разговаривать с человеком, который не уважает меня и мой дом! – и тут он замолк.

Выражение его лица медленно менялось. Он понял, что сделал. А я старался не показывать ликование, которое бушевало в моей груди. Мы стояли молча и смотрели друг друга. Я – спокойно и уверенно. Он – растерянно и испуганно.

Если я сейчас что-нибудь не скажу, то он в панике постарается выбежать из дома или даже напасть на меня. Если упустить его, то не останется ни единого шанса найти его потом.

Он, конечно, мог услышать от старой Миссис Беккер, что убитые и убийца являются той же национальности, что и он, однако его глаза говорили совершенно о другом. Он проговорился и понимал это. Теперь нужно было успокоить его. Надо сделать так, чтобы завтра он ещё был в этой квартире. Я решил усыпить его бдительность и отвлечь внимание от его оплошности.

– Прошу прощения за мою бестактность. Вы здесь давно проживаете? – доброжелательно спросил я.

Он колебался. Я заметил, что он пытается совладать со своими эмоциями.

– Недолго. Пару месяцев, – ответил он как можно более спокойно.

– Вы, наверное, из другого города прибыли? Я так понимаю, на заработки?

– Всё верно.

– В таком случае как Вам наш город? Я надеюсь, Вас хорошо тут приняли?

– Хорошее место. Гостеприимные люди, хоть и невежественные, – сказал Мухтади с надменностью, позабыв об угрозе, которая была в его сознании ещё секунду назад.

На его лице промелькнула гримаса брезгливости. Оливия Беккер уж точно приняла его к себе в дом по первому классу.

– О! Это правда! Люди у нас слегка глуповаты. Но знаете что? Это потому, что Вы поселились не в том районе, – продолжал я ломать комедию, – вот если бы Вы поселились ближе к центру города, то сразу бы поняли, что люди там совершенно отличаются от местных.

– Да неужели? – холодно произнёс араб.

– Конечно! Да и работы в центре больше. Приезжайте как-нибудь и сами убедитесь в этом, – он не ответил. Мухтади оценивающе смотрел на меня. Скорее всего, он соображал насчёт того, понял ли я его ошибку. Пытаюсь ли я сменить тему или действительно настолько туп, что не заметил ничего странного в его словах. Он высокомерен и нетерпим. Я часто встречал таких людей, как он. Они не считают людей другой национальности способными толково рассуждать. Как бы меня это ни возмущало в душе, сейчас это было мне на руку.

– По-моему, я уделил Вам больше времени, чем пару минут, мистер Уайт, – медленно произнёс он после продолжительного молчания.

От его паники не осталось и следа.

– Думаю, Вы совершенно правы, – таким же спокойным голосом подтвердил я, – не буду больше отвлекать Вас. Если Вы что-нибудь узнаете или вспомните – позвоните. Оливия Беккер знает наш номер. До свидания!

Не дожидаясь, пока он закроет за собой дверь, я повернулся и двинулся к выходу. Из соседней комнаты вылезла знакомая голова шишиги. Она сурово поглядела на меня и молча последовала за мной.

– Доброй но...

Входная дверь захлопнулась прямо перед моим носом.

«Само очарование!» – подумал я.

Глава 3

Кафе, которое назвала Хлоя, находилось в двадцати минутах езды от дома Мухтади. Оставалось ещё около часа до назначенного времени, поэтому я не спеша поехал по улицам города до нужного мне адреса.

Стемнело. Опять пошёл снег. В некоторых местах уже горели уличные фонари. В их тусклом свете мерцали снежинки, притягивая к себе взгляд.

На работу я уже не успевал, да и не хотел я туда возвращаться сегодня. Что толку?! Все уже разошлись по домам, поэтому мы ничего сегодня не решим. Мне необходимо будет получить разрешение на обыск, так как прямых доказательств в причастности араба у меня нет. Завтра у меня выходной, поэтому я решил с утра позвонить Клайду и обсудить с ним все последующие действия. Я уже представлял его довольную физиономию, когда он узнает, что был прав. И вообще, он сам может заняться всеми нужными вопросами, поэтому моё присутствие не обязательно. А я же завтра наконец-то отдохну с семьёй. Может, даже свожу их в кино.

Не вспоминая больше о работе, я двинулся на встречу с Хлоей. Когда я пришел, её ещё не было. Это было скромное, но уютное кафе, каких тысячи. По краям стояли деревянные столики с мягкими диванами по бокам. Стены тоже были из покрытых лаком деревянных срубов. На столах были аккуратные и очень маленькие вазочки с цветами. Играла ненавязчивая лёгкая музыка, а свет был слегка приглушён. Всё кафе было сделано в мягких, зеленовато-коричневых тонах, а над каждым столом висели круглые светильники. Я сел на свободное место. Официантка сразу же принесла мне меню.

Я не ел с утра, поэтому решил сразу заказать чего-нибудь сытного. Мне сразу приглянулось мясное жаркое с картофелем. Вместе с этим я взял пару закусок и стакан пива. Думаю, ничего не случится, если я чуть-чуть выпью.

Я уже успел съесть своё жаркое, когда Хлоя зашла в кафе. Увидев меня, она сразу же уверенно направилась к моему столику. Пальто она сняла с себя по пути ко мне, проходя между столиками как по подиуму. Кинув его на вешалку, она грациозно села напротив меня.

Хлоя уже успела переодеться. Сейчас на ней уже не было того строго-делового костюма. На ней была бледно-розовая водолазка, заправленная в струящуюся темно-синюю юбку до колен. Синий браслет и такого же цвета брошь в виде лилии делали её образ очень изысканным. На ногах всё те же шпильки. Вот как женщины ходят на них, не ломая себе шеи?!

– Ну, вот и я! Смотрю, ты и без меня отлично проводишь время. Может, я тебе помешала? Ты так умиротворенно выглядишь.

– Мы вроде неплохо проводим время с моим альтер эго, но компания нам бы не помешала.

– И с какой частью тебя я сейчас разговариваю? – хихикнув, спросила Хлоя.

– На данный момент я вполне нормальный и уравновешенный Артур Уайт. Но это только благодаря стаканчику пива, который я употребил, так как господин Лукас уже начинал злиться на то, что Вы, госпожа Хлоя, опаздываете.

У меня не очень хорошо получилось сдержать улыбку, и она сразу же засмеялась, разгадав моё настроение.

– Будьте добры, два бокала пива для меня и моего друга Лукаса. А ещё вот этот салат, – ткнув пальцем в меню, сказала она мимо проходящей официантке.

Девушка в ту же секунду удалилась. Я не стал протестовать по поводу того, что она заказала мне ещё пива.

– Я думаю, мне нужно задобрить Лукаса ещё стаканчиком пива. И кстати, чем же господин Лукас занимается по жизни? И как понять, кто из вас двоих хороший?

– Нууу, – задумчиво протянул я, – он наёмный убийца. И немножечко маньяк. У него есть пунктик. Он любит, чтобы всё всегда было на своих местах и чтобы всё делалось вовремя. Лукас, так сказать, деспот-перфекционист. Его очень сложно задобрить, но ты на правильном пути. А вот кто из нас хороший, я и сам не знаю. Лукас утверждает, что это он хороший, так как не скрывает свою истинную личину. А вот меня он считает лицемером, поэтому и говорит, что я плохой. Возможно, он в чём-то и прав.

– Вот оно что! – сказала она сквозь смех. – В таком случае и я плохая. Но я очень рада, что нашла к нему подход. Надеюсь, к концу вечера он меня и вовсе простит.

– Да неужели?! Ты считаешь себя лицемеркой?

– Любой человек – лицемер. Ты знаешь хоть одного человека, который говорил бы всегда то, что думает?

Я задумался, но через пару секунд обречённо покачал головой.

– Они есть. Но таких людей называют психически больными.

Её голос стал более глубоким. Она перестала смеяться и хихикать. Хлоя загадочно улыбалась, глядя на меня из слегка прикрытых глаз. Мне стало немного неловко под её пристальным взглядом. Она опять это делала. Она заставляла меня чувствовать себя школьником. Я поспешил перевести тему.

– Ты говорила, что уже больше года как успешный риелтор. А чем ты занималась до этого? И что заставило тебя сменить профессию?

– Собственно, ничем.

В этот момент молоденькая девушка поднесла два бокала. Хлоя сразу же отпила два больших глотка и удовлетворённо выдохнула.

– Наконец-то! Мне было необходимо это сегодня! Вот же зануда попался! Всё время мямлил и мямлил. То окно неправильно расположено, то недостаточно света в кладовой. Вот скажи, зачем ему дневной свет в кладовой? Представляешь, этому ослу не понравился оттенок дверной ручки в ванной комнате! Ну, ничего, я втюхаю ему такой дрянной дом, что он потом всю жизнь будет доволен и зелёным дверным ручкам, и раскладушке посреди гостиной!

Я пропустил всё это мимо ушей. Мне не особо было интересно слушать подробности её сегодняшнего дня. Меня заинтересовало совсем другое. Чем же она жила до того момента, как стала риелтором? Она явно хотела отвлечь меня от вопроса.

– Хлоя, что значит «ничем»? – прервал я её. – Если ты так быстро стала успешным специалистом, то у тебя должен был быть уже опыт в этой сфере. Не так ли?

Она стала серьёзной. Хлоя посмотрела на свою руку, которая ковыряла сухариком в пиале с сырным соусом.

– Это первая моя работа. Я настолько стремилась начать работать, что вызубрила всё, что нужно, за одну ночь. Мне безумно хотелось стать полезной. И хоть раз в жизни самой заработать деньги. Маркус говорит, что у меня талант. Это мой начальник. Он мне очень помог, – ответила она, не поднимая глаза.

После минутного молчания она всё же взглянула на меня и заметила мой удивлённый и выжидающий взгляд. Из её рассказа выходило больше вопросов, чем ответов. Я ждал продолжения. Хлоя вздохнула, поняв, что я не отстану от неё.

– Ну знаешь, я всё время, после того как окончила школу, была практически заперта дома, – закончив предложение, она съела сухарик, – помнишь Билла? – не поднимая взгляда, который был сосредоточен уже на бокале, спросила она.

Я помнил Билла. Это был мой одноклассник. Он всё время таскался за Хлоей, хоть у него и было полно девчонок. Он был разбалованным богатым сыночком одного бизнесмена, с которым все хотели дружить. Мы даже как-то подрались с ним из-за неё. Он всё время пытался выставить меня придурком перед ней. В конце концов, я сорвался и двинул ему по лицу. И это всё случилось прямо перед преподавателями. Меня тогда исключили. А этот малолетний

урод снова выставил меня перед Хлоей каким-то выродком. Больше мы не виделись с ним, да и с ней тоже.

– Так вот представь себе, я была уже беременна от него, когда мы были в выпускном классе. Ты знаешь, что родители у меня очень строгие. А его мать оказалась уж очень правильная. Его отец в первую очередь беспокоился о своей репутации и о будущем своего сына, поэтому тоже настаивал на свадьбе. Билл не мог спорить с родителями и сделал так, как они сказали. Меня же никто и не спросил. Никто и не думал о том, чего я хочу. В общем, мы сыграли свадьбу, а зимой у меня уже был сын. Я осознала, что мы никогда не сможем полюбить друг друга. Это стало ясно очень скоро. А именно тогда, когда я проторчала весь медовый месяц в туалете с токсикозом, в то время как он прохладился на палубе яхты с миленькими официантками. Его родители даже и не подумали, что недельное путешествие на яхте не подходит для беременной девушки. Билл захотел это путешествие в виде подарка. А раз уж Билл захотел, значит, Билл получит! Я знала, что он все эти годы таскался по девкам. Но мне было всё равно. Меня больше всего угнетал быт. Так называемый муж никак мне не помогал, а сына и вовсе не замечал. Наши родители мне тоже не помогали. Но зато в деньгах мы не нуждались. Как-никак папочка Билла устроил своего сыночка к себе в фирму, – в её взгляде проблеснул гневный огонёк, – работать я не могла, так как это было не в почёте у них в семье. Ещё и старые друзья отвернулись, а новых друзей я не могла себе завести. Я всё время торчала дома. А когда Милтону было лет 12, Билл впервые поднял на меня руку. Все свои неудачи он объяснял тем, что я села ему на шею с ребёнком. Будто это я была виновата в том, что он забыл тогда презерватив! Но хуже всего, что он меня не отпускал. Его отец лишил бы его наследства, если бы тот бросил своего ребёнка. Он опозорил бы всю свою семью таким поступком. Для них репутация была превыше всего. Последние 5 лет были самые страшные. Избиения были обычным делом. Я уже мечтала о смерти, но мне не хватило духу покончить с этим. Только сын держал меня в этом мире. И вот наконец-то его отец скончался. Билл получил всю фирму. И только после того как Билл официально получил всё наследство, нас с сыном выкинули на улицу. Я вздохнула с облегчением, хоть у нас и не было и гроша. Я почувствовала, что начала жизнь сначала. И теперь я радуюсь как маленькая девочка, когда сама решаю, куда идти, где обедать и что надеть сегодня. Теперь я делаю то, что хочу я.

На последних словах она многозначительно посмотрела мне в глаза и умолкла. Я чувствовал себя как на исповеди. А она выглядела так, будто сняла с плеч непосильный груз. Похоже, она никому ещё это не рассказывала.

– Почему ты не обратилась в полицию? – возмутился я.

Я никогда не мог понять того, как мужчина может поднять руку на женщину?! Более того, я никогда не понимал, почему женщины годами терпят унижения от своих мужей. Почему они подвергают опасности своих детей? Разве им не ясно, что человек, который тебя систематически избивает, никогда не изменится. И он никогда не станет относиться к тебе как к человеку. Я часто видел жертв такой жизни. Такая женщина верит и надеется. Она думает, что её муж, который только вчера избивал её ногами, а сегодня стоит на коленях с цветами и просит прощения, клянясь в том, что это больше никогда не повторится, действительно любит её и изменится. В итоге такую женщину рано или поздно ждёт чёрный мешок, в котором её отвезут в морг. Это случится после очередного удара в голову. Или в живот. Только разница будет в том, что на этот раз он окажется неудачным для мужчины. Ну и для женщины, естественно.

– В полицию?! – у неё вырвался смешок. – Они сделали бы меня невменяемой. И ещё отобрали бы сына. Это в их власти. Я не могла так рисковать! Сын для меня всё!

– Ясно. Я как-то не подумал об этом, – сказал я, сразу же вспомнив те ужасные вещи, которые творили богатые люди, оставаясь безнаказанными.

– Я не слишком загрузила тебя такой откровенностью?

– Нет, что ты. Я могу понять тебя. Точнее, я понимаю, почему ты так поступила, – сказал я не совсем уверенно.

Я задумался о том, стоит ли мне утешать её. Она не смахивает на человека, который хочет, чтобы его жалели. Да мне и нечего было сказать ей. Как я мог поддержать человека, которого мог понять только со стороны? Я знал, что всё, что с ней произошло, было ужасным, но я знал это откуда-то издалека. Со мной не случилось ничего подобного, поэтому я не знал, что именно можно ей сказать. Я не представлял всю безвыходность её положения. Ей сказочно повезло, что этот старик помер. Как бы это не звучало ужасно, но жаль, что это не случилось раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.